Воронцов В.
Русская
рево л. и
трудовой
народ.
Пг., 1918.

ИМЛ — Библиотека
ГИ46
В838
Зак. 132

ГИ46
В838 Р

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ

И

трудовой народъ.

В. Воронцова.

Изданіе автора.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія журн. «Спортъ и Фавориты» Николаевская, д. № 66.
1918.

КАБИНЕТ МОНЕТ
ГРАЖДАНСКОЙ ЗОЛ
2821 F 76
968

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2008

ГИ46 Р
В 838

БИБЛИОТЕКА
Ин-та марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС
786825

Русская революція и трудовой народъ.

Царская власть пала; народъ—созидатель свободной Россіи.

I.

Цѣлые вѣка простой русскій народъ стоналъ подъ игомъ царской власти, тяжелой и невѣжественной, и къ нему не допускалась ни одна свѣтлая мысль, ни одно свободное слово, ни одинъ просвѣщенный человѣкъ. Русскому народу не давалось просвѣщеніе; его оберегали отъ того, чтобы онъ пріобрѣлъ правильное понятіе о государственномъ устройствѣ Россіи и другихъ странъ; не допускали, чтобы онъ узналъ, какія измѣненія государственныхъ порядковъ неизмѣнно совершались у передовыхъ народовъ и неизбѣжно совершатся въ нашемъ отечествѣ. Царское правительство строго оберегало простой народъ отъ познанія свободныхъ политическихъ порядковъ въ разныхъ государствахъ, опасаясь что, узнавъ о такихъ порядкахъ у другихъ народовъ, русскій народъ захочетъ ввести ихъ и въ нашей странѣ.

Всѣ, нынѣ свободныя, государства когда-то находились, какъ и Россія, подъ гнетомъ царской власти. Потомъ самодержавная власть царя стала ограничиваться выборными отъ народа, и въ концѣ концовъ царская власть должна упразднится во всемъ мірѣ, и монархическое правленіе замѣнится республиканскимъ, т. е. такимъ правленіемъ, гдѣ нѣтъ другой власти, кромѣ народа и его выборныхъ. Такъ идетъ развитіе всѣхъ народовъ; въ этомъ направленіи должна развиваться и Россія.

Царю и его прислужникамъ, однако, нежелательно было утрачивать власть надъ рускимъ народомъ, и они старались возможно дольше сохранять въ Россіи самодержавіе; а для этого нужно было держать въ невѣжествѣ простой народъ, и не допускать къ нему тѣхъ образованныхъ лицъ изъ дворянъ и разночинцевъ, которые возставали противъ царскихъ порядковъ. Невѣжество-же народа нужно было самодержавію потому, что ограниченіе царской власти въ другихъ государствахъ происходило путемъ возстанія рабочаго народа, понявшаго недостатки отжившаго свой вѣкъ самодержавія и стремившагося къ его ниспроверженію. Только возстаніемъ поумнѣвшаго народа могло быть низвергнуто самодержавіе и въ нашемъ отечествѣ. Русскіе правители понимали это и держали народъ въ невѣжествѣ.

Противясь всѣми силами ограниченію царской власти и участію выборныхъ народа въ государственномъ управленіи, царь и его бли-

жайшіе совѣтники показали этимъ, что они безчестные и невѣжественные люди.

Безчестными приходится считать ихъ потому что, они поддерживали отжившіе порядки, хотя и понимали весь вредъ, который отъ нихъ происходилъ. «Лишь бы хватило на насъ, а послѣ насъ хоть потопъ»... Такъ разсуждали эти мудрые правители! Не удивительно, что революція унаслѣдовала отъ стараго режима почти полный развалъ, который такъ трудно исправить.

Царь и его прислужники оказались къ тому-же настолько невѣжественны, что вѣрили, будто можно надолго еще сохранить у насъ и царское самовластіе, и господство чиновниковъ. Волненія народа въ 1905 году служили имъ какъ бы предостереженіемъ, и подъ вліяніемъ требованія всѣхъ классовъ общества царь отказался тогда отъ самодержавной власти и призвалъ къ управленію государствомъ выборныхъ отъ народа (Государственная Дума). Но когда волненіе народа улеглось, то Николай II распустилъ первую, потомъ вторую Государственныя Думы и измѣнилъ избирательный законъ такъ, что въ Думу попадали помѣщики, промышленники и попы и очень мало представителей крестьянъ и рабочихъ. Дума такого состава не сопротивлялась царскимъ велѣніямъ, и Николай II продолжалъ править государствомъ по прежнему.

Въ мирное время вредныя послѣдствія царскаго и чиновничьяго произвола не всѣмъ били въ глаза. Но когда началась небывалая по жестокости и продолжительности война, и потребовалось напряженіе всѣхъ государственныхъ силъ, тогда всѣмъ сдѣлалось ясной неспособность самодержавнаго чиновничьяго правительства довести эту войну до благополучнаго окончанія. Лучшія силы общества пришли съ самаго начала войны на помощь правительству для того, чтобы наилучшимъ образомъ устроить помощь раненымъ и больнымъ солдатамъ, чтобы помочь правительству справляться съ недостаткомъ продовольствія и другихъ продуктовъ. Безъ такой дружной помощи общества Россія давно вынуждена была бы просить мира.

Военныя власти на фронтѣ сумѣли оцѣнить пользу общественнаго содѣйствія и всячески его поддерживали. Центральное-же правительство—царь и его ближайшіе сотрудники—боялись этого содѣйствія; они опасались, что по окончаніи войны общество за свои услуги родинѣ потребуетъ расширеніе народныхъ правъ. Царское правительство всячески стѣсняло поэтому дѣятельность общества въ то время, какъ продолженіе войны требовало расширенія этой дѣятельности. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство показало себя неспособнымъ самому справиться съ разстройствомъ транспорта, съ недостаткомъ продовольствія, съ недостаткомъ желѣза, топлива и другихъ матерьяловъ; и всѣмъ становилось ясно, что продолженіе его политики приведетъ Россію къ гибели. Когда-же душой и тѣлами царской семьи овладѣлъ невѣжественный, безграмотный, развратный мужикъ, бывшій конокрадъ, попавшій чуть не въ правители государства; и по его слову мѣнялись не только простые чиновники, но и министры, тогда и члены царской семьи, и послушное царю дворянство поняли, что самодержавіе ведетъ Россію къ гибели. Они тогда присоединились къ тѣмъ заявленіямъ, которыя подавались Николаю II

Государственной Думой, земствами, фабрикантами и различными общественными учрежденіями. Въ этихъ заявленіяхъ говорилось, что царь долженъ уволить своихъ министровъ и замѣнить ихъ другими по указанію Государственной Думы; и эти министры должны управлять въ согласіи съ Думой.

Николай II не внялъ ни заявленіямъ Государственной Думы и общественныхъ учрежденій, ни мольбамъ дворянъ, объявившихъ, что упорство царя можетъ повести къ его низверженію, ни просьбамъ великихъ князей, опасавшихся того-же самаго; онъ упорно продолжалъ вести старую линію. Этимъ онъ отдѣлилъ себя отъ всѣхъ классовъ общества и поддерживался лишь своей женой и ближайшими своекорыстными или невѣжественными своими совѣтниками. Но онъ твердо надѣялся на невѣжество народа и на вѣрность ему войска, которое онъ считалъ столь-же невѣжественнымъ какъ народъ и столь же ему преданнымъ, какъ былъ ему преданъ, по его мнѣнію, весь трудовой народъ. И судьба покарала его!

Когда петербургскіе рабочіе, побуждаемые голодомъ, вышли на улицу и провозгласили лозунгъ «долой самодержавіе», который они нерѣдко провозглашали и раньше, то оказалось, что на сей разъ ни въ народѣ, ни въ войскахъ не нашлось защитниковъ царской власти; что на защиту ея стали только сотня-другая пулеметовъ, укрытыхъ въ укромныхъ мѣстахъ и больше пугавшихъ мирныхъ жителей, чѣмъ приносившихъ пользу Николаю. Власть этого самодержца рухнула тогда, какъ сгнившая постройка отъ нѣсколькихъ ударовъ топора. А вмѣстѣ съ ней рухнула и власть его прислужниковъ: министровъ, полиціи, земскихъ начальниковъ и, весь русскій народъ освободился отъ всего, что такъ долго его угнетало и ему предстоитъ заново создавать всѣ государственные порядки. Русскій народъ освободился отъ старыхъ цѣпей, отъ всего, что могло-бы препятствовать свободному устройству его быта, освободился отъ всего, что могло-бы ограничивать его творческій порывъ.

Твори-же безпрепятственно новую жизнь, свободный отнынѣ русскій народъ! Прислушивайся къ голосу своей совѣсти и осуществляй ту правду, которая не умираетъ въ человѣческой душѣ! Поддерживай слабыхъ, ограничивай жадныхъ, усовѣщивай безсовѣстныхъ! Твори жизнь всѣмъ желанную, для всѣхъ радостную! Будь великъ въ созиданіи, какъ былъ ты великъ въ долготерпѣніи и страданіяхъ подъ вѣковымъ игомъ царской власти!

Не разрушай мечту лучшихъ своихъ сыновъ, страданіями въ тюрмахъ и каторжныхъ рудникахъ, кровью въ возстаніяхъ и смертію на висѣлицахъ запечатлѣвшихъ свою вѣру въ тебя, какъ въ великій народъ-младенецъ, которому только тяжелое иго не даетъ проявить свое величіе!

Не обмани надежды міровой демократіи, радующейся крушенію царской власти, какъ главной опоры деспотизма въ Европѣ, и привѣтствующей вступленіе въ семью свободныхъ народовъ новаго сочлена-многомилліоннаго русскаго народа съ непочатыми силами, со свѣжей мыслью и чуткой совѣстью. И какъ восхищались свободные народы Европы и Америки плодами духовнаго творчества русскаго народа, его великими писателями и художниками,—такъ приготовились они

услышать новое слово проснувшагося сѣвернаго богатыря въ области творчества соціальнаго.

Тебя считали великимъ народомъ - младенцемъ лучшіе твои сыны. Тебя считаютъ великимъ народомъ - отрокомъ передовыя націи цивилизованнаго міра. Будь-же дѣйствительно великъ, пройди быстрымъ шагомъ юношескій возрастъ, и дѣлами, достойными зрѣлаго мужа докажи свое право на почетное мѣсто въ великой семьѣ цивилизованныхъ націй!

II.

Во всемъ мірѣ не случалось того, что наблюдается теперь въ Россіи. Нигдѣ страна, вѣками угнетавшаяся царскими чиновниками, не оказывалась сразу безъ всякой власти; нигдѣ народъ, вѣками покорявшійся палкѣ, не получалъ сразу полную свободу; и нигдѣ совершенно невѣжественому народу судьба не вручала такой задачи, какая предстоитъ русскому народу: задача переустройства заново огромнаго, многоплеменнаго государства.

Вездѣ въ Западной Европѣ преобразованіе самодержавнаго строя и пріобрѣтеніе народомъ свободы и власти совершалось постепенно, въ продолженіе многихъ десятилѣтій. Но и при этомъ ни одинъ народъ въ Европѣ не достигъ до сихъ поръ такой свободы и не пріобрѣлъ такой власти, какая послѣ революціи свалилась, какъ снѣгъ на голову русскаго народа и совершенно засыпала его ясное сознаніе!

Цари въ Западной Европѣ не лишались сразу всей своей власти; всѣ тѣ учрежденія, при помощи коихъ они управляли государствомъ, не сметались сразу революціоннымъ порывомъ; царскіе законы не замѣнялись сразу законами народными. Свою власть монархи Западной Европы уступали выборнымъ отъ народа понемногу, постепенно; постепенно улучшалось управленіе государствомъ; понемногу измѣнялись народными представителями законы. Мало-по-малу привлекался къ управленію государствомъ и понемногу научался этому дѣлу трудовой народъ. Права и свободы народъ получалъ тоже постепенно и имѣлъ время научиться пользоваться ими, безъ вреда для другихъ, безъ нарушенія порядка, безъ разстройства государственной жизни. Понемногу научался народъ понимать, что вмѣстѣ съ пріобрѣтаемыми правами на народъ падаютъ и обязанности, и что свободный гражданинъ добровольно выполняетъ тѣ обязанности, которыя при самодержавіи исполнялись изъ-подъ палки.

Такъ шло трудное дѣло преобразованія государственныхъ порядковъ на Западѣ.

Постепенно преобразовывались, а не сразу рухнули государственные порядки въ странахъ Западной Европы, потому что монархи не сопротивлялись во что-бы то ни стало введенію конституціи и не доводили недовольство народа до того, чтобы народъ совершенно свергалъ царскую власть. Послѣ нѣсколькихъ уличныхъ битвъ, монархи Западныхъ государствъ соглашались раздѣлить власть съ народными представителями, которые составляли такъ называемые парламенты (то, что у насъ называется Государственной Думой).

Къ выборамъ въ парламенты европейскихъ государствъ первоначально призывались не всѣ взрослые граждане. Выборы не распро-

странялись на женщинъ; да и изъ мужчинъ допускались къ выборамъ только лица, имѣющія недвижимое имущество или уплачивающія положенную сумму налога. Не смотря на эти ограниченія, избиратели изъ простого трудящагося народа сильно преобладали надъ прочими классами общества, и, при сознательномъ отношеніи къ выборамъ, большинство въ европейскихъ парламентахъ всегда принадлежало-бы трудовому народу. Въ дѣйствительности, однако, было не такъ.

Въ то время, когда къ самодержавнымъ монархамъ впервые предъявлялись требованія введенія свободныхъ констутиціонныхъ порядковъ и происходили первыя битвы за политическую свободу,—въ это время, говорю, рабочія массы были невѣжественны и совершенно неорганизованы. Это было время, когда крупныя фабрики и заводы распространены были мало, и въ городскомъ населеніи преобладали ремесленники и мелкіе торговцы. Эти классы и теперь повсюду организованы хуже фабрично-заводскихъ рабочихъ, а 70-80 лѣтъ назадъ они были еще болѣе разрознены, еще менѣе сознательны и организованы. Что-же касается крестьянъ, то, разбросанные по хуторамъ и мелкимъ деревнямъ, они еще меньше понимали въ политикѣ и были уже совсѣмъ не сознательны и не организованы.

Въ то время не было ни значительныхъ рабочихъ или крестьянскихъ партій, ни рабочихъ газетъ; не имѣли рабочіе и образованныхъ руководителей. Поэтому, когда подданные самодержавнаго монарха получили право посылать своихъ представителей въ парламентъ и приступили къ выборамъ этихъ представителей, то оказалось, что сознательно выступали на выборахъ только дворяне-землевладѣльцы, духовенство и буржуазія т. е. промышленные и торговые классы. Только они были организованы, только они были образованы и понимали государственныя дѣла; только они и могли выполнять дѣло составленія законовъ и наблюдать за дѣятельностью правительства. За кандидатовъ этихъ классовъ, главнымъ образомъ и подавали голоса избиратели; причемъ въ деревняхъ наибольшій успѣхъ имѣли кандидаты, выставляемые духовенствомъ, а въ городахъ—кандидаты буржуазныхъ партій. Подлинные-же представители рабочаго класса и крестьянъ попадали въ первые парламенты западныхъ государствъ въ самомъ ограниченномъ числѣ.

Изъ всего, что было сейчасъ мною разсказано, читатель видитъ, что въ то время, когда въ различныхъ европейскихъ государствахъ (въ однихъ раньше, въ другихъ позже) закладывались первыя основы свободныхъ политическихъ учрежденій, въ это время въ парламентахъ господствовали не подлинные представители демократіи, т. е., крестьянъ и рабочихъ, а представители болѣе имущихъ классовъ; и наибольшимъ вліяніемъ пользовались представители буржуазіи, т. е. класса капиталистовъ, крупныхъ промышленниковъ и коммерсантовъ разнаго рода. Изъ рядовъ этого класса выходило также много ученыхъ, писателей, адвокатовъ, врачей и т. п.; въ этомъ классѣ сосредоточивалась образованность того времени. Поэтому, депутаты буржуазіи были вполнѣ способны составлять новые законы для замѣны старыхъ законовъ, изданныхъ самодержавными монархами.

Но зажиточные, буржуазные классы повсюду не склонны бороться за очень широкія права; да буржуазія и не была единственной

силой въ парламентахъ; тамъ находились еще дворяне и священники; а они въ большинствѣ случаевъ стояли за старые порядки и противились даже тѣмъ нововведеніямъ, которыя предлагались болѣе либеральной и образованной буржуазіей. По этимъ причинамъ права народа и свободы, объявленныя первыми парламентами европейскихъ государствъ, не были очень широки; перемѣны государственнаго строя не были очень рѣшительны; давленіе власти на народъ было облегчено, но не вовсе уничтожено; словомъ, первыми парламентами не было произведено очень крупныхъ государственныхъ преобразованій; да невѣжественныя массы народа того времени и не чувствовали потребности очень широкихъ преобразованій и очень широкой свободы.

Не было послѣ созывовъ парламентовъ крупныхъ перемѣнъ и на мѣстахъ: не было во время этихъ перемѣнъ крупныхъ волненій народа и продолжительныхъ замѣшательствъ, вызываемыхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда старые, привычные народу порядки сразу падаютъ и ихъ приходится замѣнять совсѣмъ новыми. И, главное, не было того, чтобы народъ на мѣстахъ сразу остался безъ всякихъ властей и законовъ: старыя власти тамъ не *изгонялись* совершенно (какъ теперь у насъ), а постепенно *замѣщались* новыми властями.

Государственныя преобразованія въ европейскихъ странахъ углублялись постепенно, народныя права и свободы расширялись постепенно, по мѣрѣ того, какъ трудящіеся классы научались лучше понимать общественныя отношенія, лучше организовывались, стали посылать въ парламентъ уже настоящихъ своихъ представителей; а эти представители были уже настолько образованы, что могли не только заявлять о нуждахъ народа, но и участвовать въ составленіи законовъ.

Можно, значитъ, сказать, что преобразованіе самодержавнаго государственнаго строя въ Западной Европѣ въ строй свободный выполнено было постепенно и начато не малосвѣдующими въ государственныхъ дѣлахъ трудящимися классами, а просвѣщенной буржуазіей.

III.

Политическое развитіе Россіи происходило иначе. Россія во всѣхъ отношеніяхъ отстала отъ Западныхъ государствъ на нѣсколько десятилѣтій. Позже водворялась у насъ образованность и даже простая грамотность, позже распространились фабрики и заводы, позже возникли рабочія организаціи, позже началась борьба съ самодержавіемъ. Буржуазія не была у насъ и такъ богата, и такъ образована, какъ въ другихъ государствахъ. Она не могла поэтому предъявлять самодержцу требованія политическихъ свободъ. До послѣдняго времени она и боялась слишкомъ большихъ свободъ, которыми воспользовался-бы рабочій классъ для борьбы за болѣе высокую заработную плату и за болѣе короткій рабочій день въ ущербъ прибылямъ капиталистовъ. Борцами за свободу издавна были у насъ революціонныя партіи; но онѣ не имѣли силы заставить царя дать политическую свободу народу, потому что партіи состояли изъ интеллигентовъ и не могли опереться на народныя массы, такъ какъ прави-

тельство всячески препятствовало сближенію интеллигенціи съ трудящимися классами. Не могли революціонныя партіи бороться съ самодержавіемъ и въ союзѣ съ буржуазіей, потому что буржуазія въ этой борьбѣ преслѣдовала бы главнымъ образомъ свои интересы, а революціонныя партіи на первое мѣсто выдвигали интересы трудящагося народа и требовали для народа Земли и Воли.

Царское правительство понимало, что если интеллигентскія партіи, выставлявшія на своемъ знамени «Землю и Волю», сблизятся съ народомъ, т. е. если сила умственная соединится съ силой физической, сила знанія соединится съ силой кулака, то и самодержавію, и благополучію любезнаго ему дворянства придетъ конецъ. Поэтому, цари всячески препятствовали этому сближенію и старались держать народныя массы въ прежнемъ невѣжествѣ. Царское правительство въ этихъ видахъ всячески стѣсняло народное просвѣщеніе и не давало народу тѣхъ правъ и свободъ, безъ которыхъ въ наше время не можетъ существовать ни одно цивилизованное государство: не давало свободы печати, свободы собраній, свободы союзовъ. А когда царь въ 1905 г. вынужденъ былъ призвать народъ къ управленію государствомъ, то постарался сдѣлать такъ, чтобы участіе народа въ управленіи было одной видимостью, а вершителемъ судебъ оставался-бы по прежнему онъ, царь-самодержецъ или, вѣрнѣе, его чиновники.

Всѣми этими мѣрами Николай II достигъ одного: русскій народъ остался непросвѣщеннымъ и ничего не понимающимъ въ государственныхъ дѣлахъ. Но своей власти Николай не только не укрѣпилъ, но совсѣмъ ее расшаталъ. Верховная власть въ наше время не можетъ быть сильной, если она правитъ безъ участія общества, если она боится этого участія, если она во всемъ полагается на чиновниковъ и если печати не дозволяется говорить правду о ходѣ государственныхъ дѣлъ. Еше разъ это доказалъ міру Николай II, не дававшій народу никакихъ правъ и свободъ и самъ въ концѣ концовъ потерявшій и власть, и свободу, и тѣ простыя права, которыя присущи всякому гражданину.

И вотъ, русскій народъ очутился вдругъ безъ всякой власти, получилъ полную свободу, и ему—невѣжественному и неорганизованному—предстала великая задача выполнить въ ближайшее время такое преобразованіе государственнаго быта, какое въ другихъ государствахъ выполнялось въ теченіе многихъ десятилѣтій и выполнялось оно тамъ не однимъ только простымъ народомъ, а подъ руководствомъ просвѣщенной буржуазіи. Безконечно трудна эта задача! И трудность ея усугубляется тѣмъ, что русскій народъ какъ будто и не сознаетъ всего бремени, возложеннаго на него судьбою. У народа не видно интереса къ государственнымъ дѣламъ, и онъ, повидимому, не понимаетъ, что именно ему, а не кому другому предстоитъ устроить наше государство. Народъ жалуется на безпорядки, возникшіе послѣ революціи, на участившіеся грабежи, но не заботится объ устройствѣ хорошей полиціи (милиціи) и ждетъ, что кто-то другой наладитъ дѣло. Трудовой народъ плохо даже понимаетъ, что, по сверженіи царской власти, должны были зашататься всѣ государственныя учрежденія: полиція, судъ, войско, а также земское, город-

ское и волостное самоуправленіе; и теперешнюю разруху онъ склоненъ приписать не негодности старыхъ порядковъ, а революціи самой по себѣ.

Зашататься всѣ названныя учрежденія по сверженіи царской власти должны были потому, что всѣ они были устроены по мысли царскихъ чиновниковъ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы власть царя и его прислужниковъ держалась прочно и нерушимо. Та-же цѣль неприкосновенности власти царя и сильныхъ міра сего имѣлась въ виду при составленіи законовъ, въ коихъ объявлялись права и обязанности подданныхъ Россійскаго государства, а также права и обязанности разныхъ властей. Подданымъ этими законами предоставлялось мало правъ и много обязанностей; властямъ предоставлялись много и правъ, и обязанностей. Но на практикѣ власти обязанности свои сократили, а права расширили на счетъ обывателей, которые такимъ образомъ страдали и отъ того, что имѣли мало правъ по закону, и отъ того что и эти малыя права урѣзывались произволомъ властей. Въ концѣ концовъ россійскій обыватель не зналъ, имѣетъ-ли онъ какія либо права, и готовъ былъ исполнять всякое распоряженіе начальства, не справляясь съ тѣмъ, законно оно или нѣтъ.

Теперь всякому я думаю понятно, почему по низверженіи царской власти должны были зашататься и законы, и государственныя учрежденія, поддерживающія порядокъ въ странѣ; и намъ всѣмъ на первое время сдѣлалось безпокойнѣе. Старый хозяинъ русской земли,—царь, ушелъ, а новый хозяинъ— русскій народъ— еще не объявился. И пока этотъ новый хозяинъ не вступитъ въ управленіе своимъ хозяйствомъ и не приведетъ его въ порядокъ,—дѣла этого хозяйства не будутъ вполнѣ налажены. Намъ приходится съ этимъ мириться, но мы должны въ то-же время стараться, чтобы въ томъ округѣ, гдѣ мы живемъ—на время, пока этотъ хозяинъ—весь русскій народъ—не объявитъ свою волю черезъ Законодательное Собраніе, чтобы въ это время самимъ налаживать тѣ дѣла, безъ которыхъ намъ трудно обойтись. Старая полиція уничтожена, ее замѣнила полиція выборная (милиція), и мы должны были выбирать въ милицію подходяшихъ людей и слѣдить за ихъ дѣятельностью. Старое городское, земское и волостное управленіе уничтожается и Временнымъ Правительствомъ издано временное положеніе о волостномъ, уѣздномъ земскомъ управленіи; и мы должны были избрать въ волостную уѣздную и губернскую думы достойныхъ людей, чтобы наилучшимъ образомъ вести земское хозяйство. Старыя власти исчезли, и некому понуждать населеніе къ уплатѣ налоговъ; и народъ долженъ былъ самъ, не ожидая понужденія, вносить въ казну то, что съ него причитается.

Русскій народъ долженъ хорошо усвоить ту мысль, что теперь онъ самъ черезъ свободно избранныхъ представителей въ полноправное Законодательное Собраніе будетъ издавать законы и долженъ къ этому подготовляться, долженъ знакомиться съ тѣмъ, въ чемъ заключается государственное устройство и государственное управленіе. Непониманіе народа, его неосвѣдомленность въ государственныхъ дѣлахъ можетъ встать грознымъ врагомъ народной свободы, главнымъ препятствіемъ мирному созиданію на развалинахъ низвергнутаго самодержавія новыхъ свободныхъ порядковъ.

Задачи, предстоящія народу.

Послѣ низверженія царской власти у русскаго народа впервые раскрылись глаза на великій міръ человѣчества, частицу котораго составляетъ онъ самъ. Не безъ волненія и не безъ нѣкотораго чувства гордости, смѣшаннаго съ опасеніемъ, долженъ бы познать русскій народъ, что ему самому придется заново устраивать огромную свою мать. Россію, раскинувшуюся на пространствѣ шестой (1/6) части всей земной суши и заключающую въ составѣ своего 170-ти милліоннаго населенія болѣе сотни различныхъ племенъ и народностей.

Гордое чувство возникаетъ у русскаго человѣка изъ предчувствія того, что, превосходя одной только европейской своей частью всю Западную Европу, а числомъ своихъ жителей—населеніе трехъ любыхъ великихъ европейскихъ государствъ, Россія тѣмъ самымъ вступаетъ въ ряды главныхъ строителей жизни всего цивилизованнаго міра. Русскій человѣкъ предчувствуетъ, что тѣ порядки, которые русскій народъ заведетъ въ своей землѣ, не останутся безъ воздѣйствія на соціальное строительство прочихъ народовъ, какъ не оставались безъ воздѣйствія на русскій народъ порядки и идеи болѣе просвѣщенныхъ его сосѣдей.

Чувство страха и опасенія испытываетъ мыслящій и любящій свою родину русскій человѣкъ потому, что у него возникаетъ сомнѣнія—оправдаетъ-ли только что выходящій изъ политическаго младенчества русскій народъ тѣ требованія, которыя предъявляются къ нему, какъ народу великому; сумѣетъ-ли онъ начать и благополучно совершить такую соціальную работу, какая подстать развѣ только умудренному долгимъ опытомъ зрѣлому политическому возрасту; сумѣетъ-ли онъ благоустроить свою страну,—громадную по пространству, и числу жителей и сложную по національному составу ея населенія,—сумѣетъ-ли устроить ее такъ, чтобы всякій ея подданный-инородецъ сказалъ: «да, во истину, у русскаго народа много обителей; Россія одинаково родная мать всѣмъ ея подданнымъ: славянину и еврею, латышу и татарину, и переселившемуся въ Россію соплеменнику тѣхъ народовъ, съ которыми мы ведемъ нынѣ ожесточенную войну».

Но русскому народу предстоитъ не только удовлетворить чаянія многочисленныхъ населяющихъ Россію народовъ. Къ нему обращаются и взоры чужихъ странъ; и сумѣетъ-ли русскій народъ оправдать надежды, возлагаемыя на него, какъ на старшаго брата, малыми внѣ Россіи находящимися славянскими народностями: сербами, чехами, словаками, хорватами, нынѣ чувствующими на себѣ тяжелую руку нѣмцевъ и съ надеждою взирающими на своего великаго, какъ имъ кажется, и близкаго по крови восточнаго сосѣда.

Русскому народу приходится разрѣшать много и другихъ трудныхъ вопросовъ.

Мы свергли самодержавную царскую власть, а вмѣстѣ съ ней рухнули тѣ учрежденія, которыми управлялась Россія и которыя были устроены съ такимъ разсчетомъ, чтобы народъ оставался въ невѣжествѣ и въ угнетеніи. Нѣтъ больше ни губернаторовъ, ни исправниковъ, ни земскихъ начальниковъ, ни волостныхъ старшинъ,

На мѣсто этихъ властей и учрежденій нужно поставить новыя, которыя служили-бы народу, содѣйствовали-бы народному просвѣщенію и благосостоянію и оберегали права гражданъ. А такъ какъ всякая власть дѣйствуетъ на основаніи закона, и старые законы не годятся для свободной Россіи, то нужно составить новые законы для дѣятельности разныхъ властей и учрежденій.

Законы эти должны установить и Центральное Управленіе, и мѣстное.

Закономъ должно быть установлено, какое будетъ у насъ правленіе; установлено, какія обязанности будетъ нести и какія права будетъ имѣть высшая исполнительная власть страны; какія права будетъ имѣть законодательная власть, составленная изъ народныхъ избранниковъ. Русскому народу, въ лицѣ его выборныхъ представителей, придется составить законы для мѣстнаго управленія, т. е. новые законы о полиціи, о городскомъ и земскомъ самоуправленіи.

Русскому народу придется чуть ли не наново составить законы о правахъ русскихъ гражданъ, о свободѣ совѣсти, о свободѣ печати, собраній и союзовъ, о защитѣ личности отъ произвола властей, потому что старые царскіе законы составлены такъ, чтобы эти права гражданъ были какъ можно больше ограничены, а права начальства какъ можно болѣе расширены. И давая каждому гражданину Россіи большія права, законъ долженъ въ то-же время озаботиться о томъ, чтобы, пользуясь этими правами, одинъ гражданинъ не нарушалъ права и свободы другого, и не вредилъ общему благу. Нужно, значитъ, согласовать права и свободу каждаго съ правами и свободой всѣхъ и съ общимъ благоденствіемъ страны.

Русскому народу придется многое передѣлать въ царскихъ судебныхъ законахъ, въ законахъ о народномъ просвѣщеніи, объ устройствѣ финансовъ. Нужно будетъ заключать договоры съ другими государствами о томъ, какіе товары пропускать къ намъ изъ чужихъ странъ безпошлинно, и какіе облагать податью, и какъ высока будетъ на разные товары эта подать. Придется русскому народу участвовать, черезъ своихъ представителей, еще въ одномъ сложномъ дѣлѣ: съ кѣмъ изъ чужихъ государствъ вступить въ союзъ съ цѣлью не дать одному государству усилиться на счетъ другого и съ цѣлью совмѣстной обороны, если бы какое либо правительство задумало на насъ напасть.

И наконецъ, нашему народу придется разрѣшать очень сложное дѣло такого распредѣленія между трудящимися отходящей отъ помѣщиковъ земли, чтобы всѣ получившіе землю остались довольны и никто не считалъ бы себя обиженнымъ.

Таковы великія задачи, предстоящія русскому народу!

Чтобы удовлетворительно справиться со всѣми дѣлами переустройства заново всѣхъ государственныхъ порядковъ — нуженъ не только свѣтлый умъ и горячее желаніе блага своей родинѣ; нужны еще широкія познанія въ разныхъ наукахъ и знаніе того, какъ всѣ эти дѣла устроены въ другихъ государствахъ.

Весь народъ, конечно, не можетъ имѣть такихъ знаній, которыя необходимы для государственнаго строительства и для управленія; но онъ долженъ стремиться получить нѣкоторое понятіе о главнѣй-

шихъ сторонахъ государственнаго быта—дабы онъ могъ хотя немного разбираться въ томъ, что ему говорятъ другіе, въ газетахъ, въ бесѣдахъ и на митингахъ. И среди трудового народа должны образоваться на столько знающіе люди, чтобы могли вести земское хозяйство, чтобы въ Законодательныхъ Учрежденіяхъ они могли разбираться въ тѣхъ законопроектахъ, которые будутъ составляться знающими людьми и предлагаться на ихъ одобреніе.

Русскій народъ, однако, мало пока заботится о пріобрѣтеніи знаній и мало читаетъ тѣ книжки, которыя во множествѣ теперь издаются. А непонимающему ничего въ государственныхъ дѣлахъ народу не остается ничего больше, какъ слушать то, что ему говорятъ другіе; и онъ охотнѣе будетъ слушать то, что подходитъ къ его желанію, хотя бы это было заблужденіемъ, а не истиной, и скорѣе согласится съ тѣмъ, что проще, потому что незнающему человѣку простая мысль понятнѣе, чѣмъ мысль сложная.

Пояснимъ это примѣромъ.

Какъ образовалась вселенная и все живущее на землѣ?

Ученые мужи вѣками изслѣдуютъ и звѣздное небо, и нѣдра земли, и строеніе растеній и животныхъ не только теперешнихъ, но и прежнихъ, уже исчезнувшихъ и послѣ которыхъ въ глубинѣ земли находятъ кое-какія кости и другіе остатки. Ученые написали тысячи книгъ въ отвѣтъ на вопросъ: какъ образовалась вселенная и все живущее на землѣ? Они понемногу разъясняютъ этотъ вопросъ и приходятъ къ заключенію, что образованіе міра происходило постепенно; что животныя и растенія не сразу явились на свѣтъ въ теперешнемъ видѣ; что первыя живыя существа совсѣмъ не были похожи на теперешнія, и что отъ перваго появленія живыхъ существъ до нынѣшняго времени прошло не тысячи даже, а милліоны лѣтъ. Ученые заявляютъ въ тоже время, что многое въ этомъ вопросѣ еще не выяснено, и что нужны еще долгіе годы изслѣдованій для того, чтобы вполнѣ разъяснить вопросъ: какъ произошла вселенная.

Такъ отвѣчаютъ на вопросъ о происхожденіи земли свѣдущіе люди.

Несвѣдущіе же люди все дѣло разъяснили сразу. Вся вселенная и все живущее на землѣ сотворено Господомъ Богомъ, и потратилъ Онъ на это всего 6 дней. Такъ рѣшаютъ вопросъ одни несвѣдущіе люди, а другіе несвѣдущіе люди принимаютъ этотъ отвѣтъ и думаютъ, что уже все разъяснено.

Такъ-же трудно дается ученымъ разъясненіе другихъ вопросовъ; и такъ-же просто рѣшаютъ эти вопросы люди невѣжественные.

Ученые разъяснили вопросъ о положеніи земли въ ряду другихъ небесныхъ тѣлъ, вопросъ о томъ, чѣмъ и какъ она держится. Вопросъ объясненъ правильно, но объясненіе ученыхъ очень сложное, требующее знанія нѣкоторыхъ наукъ.

А невѣжественный народъ отвѣтилъ кратко и просто: Земля стоитъ на трехъ китахъ; Простому человѣку это понятно и онъ принялъ это объясненіе.

Такъ-же просто объясняютъ невѣжественные люди и другія явленія природы. Громъ—это шумъ отъ колесницы Ильи пророка;

плохой урожай—Божіе наказаніе за грѣхи людей; заразительная болѣзнь—тоже кара Божія.

Всѣ эти объясненія очень просты и доступны уму всякаго человѣка; они потому и принимаются незнающими людьми, что просты и доступны всякому уму.

Вотъ подобныя-же простыя мысли могутъ внушать народу относительно иностранной политики и другихъ государственныхъ вопросовъ тѣ, которые заботятся не столько о просвѣщеніи народа, сколько о пріобрѣтеніи надъ нимъ вліянія. И народъ эти мысли принимаетъ, потому что онѣ понятны. Но понятная, простая мысль не значитъ вѣрная мысль; а въ тѣхъ случаяхъ, когда она вѣрна—ее обыкновенно не достаточно для того, чтобы правильно разрѣшить вопросъ, потому что всякое явленіе въ природѣ и всякое житейское дѣло—не простое, а сложное. Не мудреное дѣло вспахать землю, засѣять ее и собрать урожай и всякій крестьянинъ объяснитъ, какъ это сдѣлать. А посмотрите, какая разница урожая у умнаго, знающаго хозяина и у неразумнаго, несвѣдущаго. А вѣдь говоритъ тотъ и другой, какъ будто одно и тоже.

Всякое явленіе природы и всякое житейское дѣло—повторю еще разъ—не простое, а сложное. Чтобы его понять и правильно рѣшить—нужно принять во вниманіе и то, и другое, и третье. А если будете считаться только съ однимъ, а забудете о другомъ и третьемъ, то ваше рѣшеніе будетъ неправильно, и ваши дѣйствія будутъ ко вреду, а не къ пользѣ.

Тоже самое нужно сказать и о государственныхъ дѣлахъ. Простой людъ часто теперь слушаетъ простыя рѣчи о сложныхъ государственныхъ вопросахъ. Эти простыя рѣчи ему понятны, и онъ ихъ принимаетъ за полную истину. А на самомъ дѣлѣ за этими рѣчами часто кроется большая, но хорошо прикрытая ложь, или рѣчи эти заключаютъ только полуистину, и по нимъ нельзя составить вполнѣ правильнаго понятія о дѣлѣ, нельзя и правильно рѣшить, какъ нужно въ этомъ дѣлѣ поступить.

Чтобы пояснить, какъ неполная истина можетъ затемнить дѣло и оморочить человѣка, мы напомнимъ здѣсь о томъ, что простому люду часто приходится слышать о нашихъ финансахъ на партійныхъ митингахъ и читать о нихъ въ партійныхъ рабочихъ газетахъ.

На этихъ митингахъ и въ газетахъ правильно говорится, что при царской власти главная тяжесть податнаго бремени лежала у насъ на трудящихся классахъ, а зажиточные классы были обложены очень слабо. Справедливость же требуетъ, чтобы совсѣмъ бѣдные люди вовсе освобождены были отъ налога, а изъ остальныхъ каждый вносилъ въ государственную казну сообразно своему достатку, сообразно своему доходу. Правильнымъ нужно признать и заключеніе партійныхъ ораторовъ о томъ, что новое, народное демократическое правительство Россіи должно стремиться къ возможно высокому обложенію именно зажиточныхъ классовъ. Но уже совсѣмъ неисполнимымъ слѣдуетъ признать обѣщаніе ораторовъ, что ихъ партія освободитъ трудовой народъ отъ всякаго обложенія, не только прямого, но и косвеннаго, освободитъ отъ обложенія чая, сахара, та-

баку, спичекъ, керосина и другихъ всѣми потребляемыхъ предметовъ; и что все бремя государственныхъ расходовъ будетъ возложено на зажиточные классы, на капиталистическіе доходы.

Неисполнимымъ слѣдуетъ считать эти обѣщанія потому, что капиталистическіе доходы въ ихъ совокупности совсѣмъ у насъ не такъ велики, чтобы ихъ обложеніемъ можно было покрыть не только всѣ государственные расходы, кои предстоятъ намъ послѣ войны, но хотя бы большую ихъ часть. Эти расходы не были бы покрыты и на половину даже въ томъ случаѣ, если бы въ казну поступили всѣ доходы тѣхъ лицъ, которые живутъ не трудомъ, а отъ своихъ капиталовъ. А отсюда слѣдуетъ, что и демократическому правительству Россіи значительную часть государственныхъ расходовъ придется возложить на трудовой народъ; и ему не только не удастся отмѣнить всѣ косвенные налоги, но придется вѣроятно ихъ повысить и быть можетъ даже обложить новые предметы всеобщаго потребленія.

На этомъ примѣрѣ читатель можетъ усмотрѣть, какъ неполная истина можетъ привести къ настоящей лжи.

Что простой народъ при царской власти былъ у насъ отягощенъ налогами, а зажиточные классы были слабо обложены, это—правда; что новое народное правительство должно возможно сильнѣе обложить эти классы—тоже правда; но что, облагая высоко зажиточные классы, новое правительство можетъ снять съ трудящагося народа всѣ налоги,—это неправда. Трудовому народу и при новыхъ порядкахъ придется нести на себѣ значительную часть податнаго бремени.

Права и обязанности гражданъ свободной Россіи.

I.

При царской власти жилось плохо всѣмъ, кромѣ кучки царскихъ прислужниковъ и мародеровъ всякаго рода. Всего-же хуже жилось рабочимъ и крестьянамъ. Имъ жилось плохо въ матеріальномъ отношеніи: крестьяне получали мало дохода отъ земли, рабочіе получали низкую заработную плату. Имъ жилось плохо и духовно. Они имѣли очень мало правъ, а правительство нарушало и тѣ немногія ихъ права, какія они имѣли по закону. Оно подчиняло ихъ произволу высшихъ и низшихъ властей; оно препятствовало имъ соединяться въ профессіональные союзы и собираться для обсужденія разныхъ вопросовъ; правительство не допускало къ крестьянамъ и рабочимъ просвѣщенныхъ людей, которые разъяснили-бы ихъ положеніе, не допускало просвѣщающихъ книгъ и газетъ. Словомъ, русскій народъ лишенъ былъ всѣхъ тѣхъ правъ, какія имѣютъ другіе народы, и на немъ лежали только обязанности: обязанность работать, обязанность платить налоги, обязанность повиноваться.

Не имѣя никакихъ правъ и призванный только къ обязанностямъ, народъ относился къ этимъ обязанностямъ только какъ къ приказанію начальства, выполнялъ ихъ за страхъ, а не за совѣсть, и не научился тому, что извѣстно всякому рабочему, крестьянину, чиновнику, всякому гражданину Франціи, Англіи или Германіи; не

научился понимать русскій народъ ту простую мысль, что гражданинъ свободной страны долженъ добровольно подчиняться установленнымъ законамъ; что у этого гражданина есть не только права, но и обязанности, и эти обязанности онъ долженъ выполнять за совѣсть, а не за страхъ.

Проживъ цѣлые вѣка въ подчиненіи царской власти, подъ игомъ силою наложенныхъ на него обязанностей и безъ всякихъ почти правъ,—русскій человѣкъ, освободившись отъ этой власти, и не видя надъ собой палки, сбросилъ съ себя всякія обязанности и сталъ заявлять только о своихъ правахъ, толкуя ихъ притомъ очень широко, въ ущербъ правамъ и правительства, и другихъ лицъ.

Можно сказать такъ: при старой власти палка правъ и обязанностей гражданина была перегнута въ сторону обязанностей; послѣ сверженія этой власти ее стали перегибать въ сторону правъ. И то, и другое, однако, несправедливо и вредно для общества, и палица правъ и обязанностей гражданина должна быть прямой, а не скривленной въ одну сторону.

При старомъ режимѣ фабрично-заводскіе рабочіе, напримѣръ, были въ полномъ подчиненіи полиціи и своихъ хозяевъ, и лишены были возможности соединяться въ профессіональные союзы и дружно бороться за возвышеніе заработной платы, за ограниченіе рабочаго дня и за другіе справедливые распорядки фабричнаго быта. Рабочіе, иначе говоря, были лишены естественнаго права заботиться о своемъ благополучіи, права, которое признается за ними во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ. Имъ предъявлялись за то требованія усердной работы и подчиненія не ими установленнымъ полицейскимъ и фабричнымъ порядкамъ. Палица правъ и обязанностей рабочаго была, значитъ, сильно скривлена въ сторону обязанностей.

Когда-же царская власть пала, и всѣ сдѣлались свободны—то рабочіе естественно первымъ дѣломъ воспользовались этой свободой для того, чтобы осуществить тѣ свои права, которыя прежде подавлялись. Они получали раньше низкую заработную плату и имѣли очень длинный—десяти-двѣнадцати часовой рабочій день. И вотъ первымъ дѣломъ рабочіе стали требовать возвышенія вознагражденія за свой трудъ и ограниченія рабочаго дня восемью часами. Прежде фабричный рабочій не принималъ никакого участія въ установленіи фабричныхъ распорядковъ; теперь онъ сталъ требовать, чтобы ему было предоставлено такое участіе.

Все это правильно. Рабочій—не машина и не безсмысленная лошадь, и потому условія его работы не могутъ устанавливаться одной только стороной: фабрикантомъ. Но требуя своего участія въ установленіи фабричныхъ распорядковъ, рабочіе позабыли объ этой другой сторонѣ; позабыли о томъ, что хозяинъ фабрики—не они, а фабрикантъ, и что, какъ хозяинъ, онъ не можетъ быть устраненъ отъ распоряженія въ своемъ заведеніи. Не вспомнили рабочіе и о томъ, что убытки производства ложатся не на нихъ, а на фабриканта, и что фабриканту поэтому не все-равно—какіе у него мастера, инженеры, каковы завѣдующіе разными отдѣлами фабрики. Почувствовавъ свою силу, рабочіе многихъ фабрично-заводскихъ предпріятій рѣшили, что они имѣютъ также право смѣщать всѣхъ слу-

Ленинградская Военно-Медицинская Академия.

жащихъ и назначать такихъ инженеровъ и техниковъ, какихъ сами пожелаютъ. Нерѣдко на мѣсто ученыхъ инженеровъ они выбирали кого либо изъ своей среды, и отъ этого могли произойти не только вредныя для фабриканта, но и опасныя для самихъ рабочихъ и для всего общества послѣдствія. Рабочіе многихъ заведеній, словомъ, дѣйствовали такъ, какъ будто они были хозяевами, а не наемными людьми и оставляли фабриканту только обязанность добывать и расходовать деньги: покупать матеріалы, уплачивать заработную плату и т. п.

Раздвинувъ такъ широко предѣлы своихъ правъ, рабочіе многихъ заведеній позабыли о безспорныхъ своихъ обязанностяхъ передъ фабрикой; и сокративъ рабочій день и сильно поднявъ заработную плату, они въ тотъ восьми часовой день, который себѣ назначили, стали давать фабриканту, а черезъ то и всей странѣ меньше издѣлій, чѣмъ слѣдуетъ дать по расчету за этотъ день. Сами рабочіе ничего не теряютъ отъ медленной и небрежной работы, потому что сдѣльное вознагражденіе за свой трудъ они замѣнили поденной платой. Но фабрикантъ теряетъ очень много; теряетъ много и весь народъ, потому что онъ мало находитъ въ продажѣ одежды, обуви, желѣзныхъ издѣлій и другихъ нужныхъ ему вещей, а что удается найти, за то приходится платить въ три-дорога.

Описанныя здѣсь дѣйствія рабочихъ давно обратили на себя вниманіе правительства, многихъ совѣтовъ рабочихъ, крестьянскихъ и солдатскихъ депутатовъ и сельскаго населенія! Министръ труда, соціалистъ Скобелевъ въ воззваніи ко всѣмъ рабочимъ Россіи убѣждалъ такихъ рабочихъ измѣнить свое поведеніе. Добиваясь чрезмѣрнаго возвышенія заработной платы—говорилъ имъ этотъ министръ—вы разрушаете промышленность и истощаете казну, потому что большая часть фабрикъ работаетъ на войну, и новые ихъ расходы покрываются правительствомъ изъ суммъ, собираемыхъ налогами. Разрушается производство—говоритъ тотъ-же министръ—и отъ того, что рабочіе чинятъ насилія и удаляютъ служащихъ фабрикъ, директоровъ и опытныхъ техниковъ. А враги революціи и приверженцы царской власти въ тайнѣ злорадствуютъ по случаю такой разрухи.

Такое поведеніе рабочихъ вызываетъ порицаніе и недовольство также въ средѣ лицъ, постороннихъ фабрикѣ. Въ городахъ, деревняхъ и на фронтѣ говорятъ, что рабочіе распускаются и балуются въ то время, когда вся страна и положеніе на фронтѣ требуютъ отъ всѣхъ самой напряженной работы. А крестьяне прямо грозятъ не давать хлѣба рабочимъ, которые по ихъ мнѣнію обращаются въ «буржуевъ».

Въ этихъ случаяхъ палица правъ и обязанностей фабричныхъ рабочихъ искривлена ими въ сторону правъ. И въ будущемъ предстоитъ задача выпрямить эту палицу, установить надлежащее равновѣсіе между правами и обязанностями фабриканта, какъ хозяина предпріятія, и рабочихъ, какъ участниковъ въ его дѣлѣ.

За рабочими послѣдовали служащіе нѣкоторыхъ правительственныхъ учрежденій. Особенно требовательными и своевольными оказались въ первое время служащіе почты и телеграфа, среди ко-

286825

БИБЛИОТЕКА

торыхъ находится много несознательныхъ низшихъ служащихъ— почталіоновъ, разносящихъ и развозящихъ почту—и которые при старой власти находились въ особенно угнетенномъ состояніи. Своеволіе-же и распущенность почтово-телеграфныхъ служащихъ очень вредно отзывается на всѣхъ дѣлахъ: частныхъ, общественныхъ и правительственныхъ; потому что важныя дѣловыя сообщенія частныхъ лицъ и распоряженія правительства, посланныя по почтѣ въ разсчетѣ, что они получатся черезъ два-три дня, на самомъ дѣлѣ получаются черезъ двѣ-три недѣли, а то и вовсе пропадаютъ. И министръ почтъ и телеграфовъ, соціалистъ Церетелли, тоже убѣждалъ своихъ подчиненныхъ усерднѣе работать, исполнять служебныя распоряженія начальства и никоимъ образомъ не пытаться самовольно увольнять и назначать начальствующихъ лицъ.

Такое-же преувеличенное расширеніе своихъ правъ можно наблюдать и въ сельской жизни. Теперь поставленъ вопросъ объ обращеніи помѣщичьихъ земель въ пользованіе всего народа съ тѣмъ, чтобы доступъ къ землѣ имѣлъ только тотъ, кто обрабатываетъ ее собственными руками. Для этого придется отобрать у помѣщиковъ ихъ земельную собственность, а это можетъ быть сдѣлано только уполномоченной для того властью. Такой властью является Законодательное Собраніе, избранное всѣмъ народомъ. Эта всенародная власть установитъ, на какихъ условіяхъ взять у помѣщиковъ землю, какъ ее распредѣлить между нуждающимися въ землѣ крестьянами. Это должна рѣшить всенародная власть, потому, что земля не сдѣлана человѣкомъ, какъ фабрика и заводъ: она дана людямъ общей ихъ матерью— природой, дана Богомъ. Она принадлежитъ поэтому всѣмъ людямъ, должна служить для пропитанія всего народа, и распорядиться ею можетъ только весь народъ въ лицѣ его выборныхъ представителей.

Между тѣмъ крестьяне нѣкоторыхъ мѣстностей рѣшили захватить сосѣднія помѣщичьи имѣнія самовольно, не дожидаясь распоряженія народной власти и пользоваться ими въ своемъ интересѣ, не считаясь съ тѣмъ, что эта земля есть общенародное достояніе, и что на нее быть можетъ имѣютъ больше правъ крестьяне, хотя бы отдаленныхъ селеній, но владѣющіе меньшими участками земли. Были случаи, когда крестьяне захватывали въ свою пользу помѣщичьи луга, а свои покосы сдавали отдаленнымъ селеніямъ за высокую плату. Въ другихъ мѣстностяхъ крестьяне разгоняютъ помѣщичьихъ рабочихъ, стравливаютъ помѣщичьи луга, расхищаютъ помѣщичій скотъ, инвентарь, сѣмена для посѣва и другое имущество; словомъ поступаютъ такъ, какъ будто бы они были собственниками этого чужого для нихъ имущества. Это ведетъ къ тому, что не всѣ поля оказываются засѣянными, количество собраннаго сѣна уменьшается и владѣльцы принуждены пускать молочный скотъ подъ ножъ. И все это приноситъ ущербъ не только помѣщику, но и всей странѣ, потому что вся страна испытываетъ теперь недостатокъ и хлѣба, и масла, и кормовъ для скота. Въ третьихъ мѣстностяхъ крестьяне самовольно рубятъ помѣщичьи и казенные лѣса; въ четвертыхъ, они не дозволяютъ рубить чужіе лѣса, хотя бы рубка производилась по распоряженію властей для нуждъ большихъ городовъ и фронта. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ крестьяне посягаютъ не только на землю крупныхъ

владѣльцевъ, а и на участки своихъ многоземельныхъ односельцевъ и хуторянъ. И здѣсь они опять таки рѣшаютъ самовольно такіе вопросы, которые подлежатъ вѣдѣнію всенародной власти въ лицѣ выбраннаго всей страной Законодательнаго Собранія.

Подобныя дѣйствія крестьянъ вызываютъ недовольство и помѣщиковъ, и обиженныхъ крестьянами ихъ односельцевъ и хуторянъ, и всякаго сторонняго разсудительнаго человѣка, понимающаго, что нельзя самовольно распоряжаться чужимъ имуществомъ.

О всѣхъ подобныхъ случаяхъ приходится сказать, что палица правъ и обязанностей крестьянъ-земледѣльцевъ искривляется самовольщиками въ сторону ихъ правъ; и Законодательному Собранію предстоитъ забота выпрямить эту искривленную палицу.

Такое-же преувеличенное понятіе о своихъ правахъ и забвеніе своихъ обязанностей наблюдается въ солдатской средѣ.

При старой власти солдатъ зналъ только обязанности и никакихъ правъ. Онъ долженъ былъ безпрекословно повиноваться офицеру; онъ былъ настоящимъ его рабомъ. Новая-же власть надѣлила солдата такими правами, какихъ не имѣетъ ни одна армія на свѣтѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ новая власть сохранила для нихъ и тѣ обязанности, безъ которыхъ невозможно успѣшное выполненіе назначенія войска наносить въ сраженіяхъ сильные удары врагу, и тѣмъ защищать отечество отъ чужого нашествія.

Первая обязанность, безъ которой невозможна сильная армія, это—дисциплина, т. е. соблюденіе воинскихъ правилъ и повиновеніе въ служебное время начальству. Безъ дисциплины и безъ безпрекословнаго исполненія распоряженій начальства нельзя идти въ бой; потому что успѣхъ боя зависитъ отъ быстраго и точнаго выполненія плана сраженія, который составляетъ главнокомандующій. И какъ бы ни былъ прекрасенъ планъ сраженія, который составилъ главнокомандующій, какъ бы храбры и опытны ни были офицеры, но побѣда не будетъ одержана, если войска плохо обучены военному дѣлу, не привыкли къ дружнымъ дѣйствіямъ, не привыкли безпрекословно повиноваться офицерамъ. При такомъ состояніи арміи распоряженія высшаго командного состава будутъ выполняться съ опозданіемъ и не дружно; боевые удары запоздаютъ и будутъ слабы; солдаты нестойко будутъ выносить атаки и контръ атаки противника; сраженія будутъ проигрываться и войска понесутъ огромныя потери.

Изъ того, что сейчасъ сказано о назначеніи войска и условіяхъ боевой его готовности, читатель видитъ, что жизнь солдата въ мирное время должна протекать въ постоянной работѣ для усовершенствованія въ военномъ дѣлѣ и для пріобрѣтенія привычки дружнаго дѣйствія и привычки точнаго и быстраго исполненія распоряженій начальствующихъ лицъ.

Между тѣмъ во многихъ войсковыхъ частяхъ солдаты послѣ паденія ненавистной имъ царской власти почти вовсе прекратили ученіе, очень небрежно несутъ караульную службу, что облегчаетъ побѣги изъ тюрьмъ преступниковъ; солдаты шатаются по городу съ подсолнечными сѣмечками въ зубахъ, торгуютъ и отвыкаютъ отъ всякой работы, отъ правильной жизни и дисциплины. Пріѣзжіе съ фронта, настоящіе боевые солдаты и офицеры, а также солдаты, бѣ-

жавшіе изъ плѣна и искалѣченные войной-инвалиды негодуютъ на такіе порядки и утверждаютъ даже, что такія распущенныя воинскія части негодны для фронта, что онѣ внесутъ туда лишь дезорганизацію, а не укрѣпятъ фронтъ. Негодуетъ на такое поведеніе солдатъ и всякій гражданскій, простой и не простой человѣкъ, и русскіе, нѣкогда доблестные солдаты—герои боя—заслужили нынѣ въ городахъ позорную кличку «героевъ подсолнечныхъ».

Всякій, кромѣ того слыхалъ, что творятъ солдаты, проѣзжающіе по желѣзнымъ дорогамъ, какъ они набиваются вплотную въ вагоны, нерѣдко изгоняя платныхъ пассажировъ; какъ они нарушаютъ порядокъ и задерживаютъ движеніе поѣздовъ, требуя, чтобы ихъ отправляли не въ очередь; избиваютъ, и даже убиваютъ начальниковъ станцій, если тѣ не исполняли ихъ требованій, понимая, что переполненіе вагоновъ и нарушеніе порядка движенія поѣздовъ можетъ вести къ крушенію поѣздовъ. Извѣстны читателю и случаи своеволія солдатъ среди мирнаго городского населенія; сплошь и рядомъ теперь случается, что партіи солдатъ овладѣваютъ винными складами, напиваются и чинятъ всякія безобразія. Дѣло дошло до того, что сельское населеніе боялось тѣхъ солдатъ, какіе правительство обѣщало командировать для лѣтнихъ работъ, боялось ихъ своеволій и распущенности и отказывались отъ нихъ.

II.

Описанное выше поведеніе многихъ рабочихъ, чиновниковъ, крестьянъ, солдатъ и другихъ лицъ сначала происходило отъ малосознательности простого человѣка, прожившаго свой вѣкъ рабомъ царской власти, а не свободнымъ гражданиномъ. И когда давившая его власть рушилась—рабъ распустился или взбунтовался. Такое поведеніе несознательныхъ людей рано или поздно измѣнится, и распустившійся рабъ понемногу будетъ превращаться въ свободнаго гражданина свободной русской земли. Это случилось бы вѣроятно въ непродолжительномъ времени, если бы виною такого поведенія была только несознательность простого русскаго человѣка. Но бѣда въ томъ, что къ несознательнымъ людямъ, дѣйствующимъ безъ надлежащаго пониманія, присоединились лица, умышленно поддерживающія безпорядки и разруху и возбуждающія къ тому рабочихъ, солдатъ и другихъ гражданъ.

Люди эти—изъ тѣхъ, кто помогалъ царской власти бороться съ надвигающейся революціей, и получали отъ того средства къ жизни и наживѣ. Тутъ вы найдете и открыто служившихъ правительству полицейскихъ, жандармовъ, урядниковъ; здѣсь вы найдете и тайно работавшихъ для правительства шпіоновъ, охранниковъ и провокаторовъ; сюда же принадлежатъ черносотенцы, получавшіе отъ правительства и отъ высокопоставленныхъ лицъ немалыя деньги для того, чтобы вербовать въ народѣ заступниковъ за царя. И они составляли различныя монархическія организаціи, устроили партію подъ именемъ «Союзъ русскаго народа», трубили о своихъ успѣхахъ среди простого народа, хотя въ дѣйствительности ихъ успѣхъ былъ очень не великъ; и чѣмъ больше они трубили, тѣмъ болѣе получали

денегъ, какъ плату за услугу власти и якобы на расходы по организаціи.

Паденіе царской власти лишило всѣхъ этихъ людей легко достававшагося дохода и сдѣлало ихъ врагами революціи. Они мечтаютъ о возвращеніи старыхъ порядковъ. И если бы устроенныя ими монархическія организаціи и Союзъ русскаго народа дѣйствительно насчитывали, какъ они заявляли, милліоны членовъ, то черносотенцы могли бы прямо опереться на эти милліоны и вызвать междуусобную войну. Но внезапное крушеніе царской власти, за которую не вступился ни одинъ полкъ, показало, что въ народѣ нѣтъ сколько нибудь значительныхъ массъ, стоящихъ за старые порядки; и черносотеннымъ приверженцамъ этихъ порядковъ не на кого опереться для того, чтобы попытаться вернуть старину. Черносотенцы, охранники, провокаторы и прочая подобная имъ братія поняли это и притихли, ожидая, что будетъ дальше. А когда вмѣсто спокойнаго установленія новыхъ свободныхъ порядковъ начались своеволіе, вражда, праздношатаніе рабочаго люда и солдатъ и насильственныя дѣйствія противъ неугодныхъ толпѣ ораторовъ, противъ торговцевъ, противъ фабрикантовъ, противъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ въ деревняхъ; когда начались самовольные захваты земли въ деревняхъ, домовъ въ городахъ, начались грабежи и разбои—тогда черносотенцы задумали воспользоваться этимъ для того, чтобы вооружить наиболѣе мирную и спокойную часть населенія противъ революціи.

Для этого черносотенцы и охранники стали дѣйствовать двояко. Они присоединялись къ тѣмъ революціонерамъ-большевикамъ и анархистамъ—которые проповѣдывали о дальнѣйшихъ насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ буржуазіи, противъ крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, противъ всякихъ властей; присоединились къ тѣмъ, кто убѣждалъ рабочихъ не вѣрить Временному Правительству, не дожидаться пока Учредительное Собраніе установитъ новые порядки, а самимъ сейчасъ-же захватывать фабрики, заводы, землю.

Дѣйствуя согласно съ такими революціонерами и способствуя возникновенію безпорядковъ и разрухи всей жизни—черносотенцы, бывшіе полицейскіе и охранники нашептывали въ тоже время мирнымъ и несознательнымъ обывателямъ, что въ разрухѣ виновата революція, свергнувшая старую власть; что разруха будетъ развиваться больше и больше; что спокойствіе можетъ быть водворено только царской властью и другое тому подобное. Нашептывая это мирному обывателю, черносотенцы въ то же время всемѣрно стараются усилить разруху, своеволіе и бозпорядки. И дѣло дошло до того, что нельзя уже разобрать—кто выступаетъ ораторомъ на митингѣ или въ рабочемъ собраніи: подлинный ли революціонеръ или подлинный черносотенецъ и бывшій охранникъ.

Но не одни лишь черносотенцы присоединились къ крайнимъ, но малопонимающимъ революціонерамъ, питая надежду, что вызываемые ими безпорядки и насилія заставятъ мирныхъ обывателей пожалѣть о старой власти. Къ безпорядкамъ и захватамъ подъ видомъ революціонеровъ стали призывать и настоящіе преступники и хулиганы, призывать для того, чтобы въ мутной водѣ ловить рыбу, чтобы поживиться во время безпорядковъ чужимъ добромъ. Лицамъ, отвыкшимъ отъ труда и готовымъ на кражи и грабежи, легче теперь

осуществить свои преступныя цѣли, потому что старая, опытная полиція упразднена, а создать скоро на ея мѣсто новую ловкую и умѣлую полицію (милицію) невозможно. Полицейское дѣло, какъ и всякое другое, требуетъ выучки, а выучка въ этомъ дѣлѣ пріобрѣтается практикой-опытомъ. Для полицейской службы, кромѣ того, годится не всякій. Для нея требуется смѣлость, ловкость, сообразительность. Пройдетъ поэтому значительное время, пока для полицейской службы подберутся подходящіе люди и пока они пріобрѣтутъ достаточный опытъ для того, чтобы предупреждать подготовляющіяся преступленія и быстро раскрывать преступленія совершенныя.

Плоды этого временнаго безсилія новой власти и неустройства новой полиціи (милиціи) на глазахъ у всѣхъ: отовсюду идутъ вѣсти о томъ, что населеніе не вѣритъ въ защиту милиціи отъ преступниковъ и само расправляется съ ними, жестоко ихъ избивая, а подчасъ забивая ихъ до смерти. Это—очень печальное явленіе не только потому, что народъ пріучается этимъ къ самовольству и жестокости, но и потому что разъяренная толпа сплошь и рядомъ подвергаетъ истязанію не настоящихъ виновниковъ преступленія, а лишь заподозрѣнныхъ въ немъ лицъ, которыя на самомъ дѣлѣ къ этому преступленію можетъ быть и непричастны.

И вотъ, если такое состояніе безсилія новыхъ властей бороться съ безпорядками, насиліями и преступленіями продлится долго, то нѣкоторая часть населенія настолько будетъ этимъ недовольна, что готова пожалѣть о старой власти, готова поддержать всякую противореволюціонную силу, которая обѣщаетъ водворить въ странѣ порядокъ.

Возвратить старую власть однако врядъ-ли удастся, и не этимъ опасны безпорядки, народныя волненія и внушенія черносотенцевъ. Опасность заключается въ томъ, что возникнетъ у насъ междуусобная война; братъ возстанетъ на брата, разруха нашей промышленности усилится, наступитъ настоящій голодъ въ городахъ, Россія ослабѣетъ, наши враги подымутъ голову и попытаются, пользуясь общимъ замѣшательствомъ, разбить насъ и заставятъ насъ заключить миръ на какихъ имъ угодно условіяхъ.

Страшно подумать что сдѣлается послѣ этого съ Россіей! И для предупрежденіи несчастія необходимо, чтобы весь народъ поддерживалъ порядокъ, чтобы онъ удерживалъ отдѣльныхъ лицъ отъ насилій противъ кого-бы то ни было. Нужно, чтобы рабочіе воздерживались отъ самовольнаго захвата фабрикъ и самовольныхъ дѣйствій противъ фабричной администраціи и правительственныхъ распоряженій. Нужно, чтобы солдаты прекратили самовольныя выступленія всякаго рода. Нужно, чтобы крестьяне воздерживались отъ захвата чужихъ земель и чужого имущества и отъ всякаго насилія. Въ особенности же необходимо, чтобы крестьяне дали хлѣбъ арміи, городамъ и крестьянскому населенію малоплодородныхъ губерній.

Крестьяне должны помнить, что земля предназначена не для наживы тѣхъ, кто захватилъ ее въ свои руки, а для пропитанія всего населенія страны—населенія земледѣльческаго и не-земледѣльческаго. Крестьяне должны понимать, что питаться можно только тѣмъ, что добыто отъ земли, а если добытый отъ нея хлѣбъ остается въ закромахъ земледѣльца, а не пускается въ продажу, то половина

населенія обрекается на голоданіе, болѣзни и самую смерть. Храня у себя хлѣбъ, крестьяне какъ бы заявляютъ, что они не способны выполнять свое назначеніе: добывать пропитаніе для всего населенія Россіи. Тогда въ городахъ можетъ возникнуть мысль, что не лучше-ли оставить землю въ рукахъ крупныхъ собственниковъ, которые не могутъ не продавать хлѣба и которыхъ не трудно заставить его продать, если бы они отъ продажи воздерживались. Въ городахъ можетъ возникнуть и другая мысль, мысль о раздѣлѣ земли между всѣми жителями страны поголовно—селянами и горожанами. При такомъ раздѣлѣ всякій получитъ пропитаніе со своего участка и не будетъ въ этомъ зависѣть отъ чужой воли. Если бы такой всеобщій раздѣлъ осуществился, то крестьяне не только не получили-бы помѣщичьихъ земель, но многоземельные домохозяева лишились-бы и части своихъ нынѣшнихъ участковъ.

Вотъ какія мысли могутъ возникнуть у горожанъ послѣ того, какъ они убѣдятся, что, находясь въ рукахъ однихъ только крестьянъ, божья земля не выполняетъ своего назначенія: кормить все населеніе. Крестьяне не покорятся пожеланіямъ городовъ, и возникнетъ новая смута и междуусобная борьба.

Но смута и междуусобица возникнетъ и раньше. Горожане и солдаты не пожелаютъ въ угоду своекорыстныхъ земледѣльцевъ погибать голодной смертью; они массами могутъ двинуться въ ближайшія села и деревни и будутъ силою забирать то, чего крестьяне не даютъ теперь добровольно. Но голодный народъ не будетъ забирать пропитаніе, какъ говорится, честно и благородно. Начнутся настоящіе грабежи, а при сопротивленіи крестьянъ, такъ и смертоубійства.

Повторимъ еще разъ: для созданія на развалинахъ павшаго самодержавія новаго, свободнаго строя, требуется дружная, согласная работъ всѣхъ народовъ и всѣхъ классовъ Россіи. Между тѣмъ революція принесла намъ не миръ, а мечъ, не согласіе, а вражду. Враждуютъ рабочіе съ фабрикантами, солдаты съ офицерами, служащіе съ начальствомъ, городъ съ деревней, малоземельные крестьяне съ многоземельными, партія съ партіей, отдѣльныя національности Россіи съ Правительствомъ и такъ далѣе.

Каждый стремится устроить сегодня свои частныя дѣла, какъ будто завтра будетъ уже поздно. Забываютъ, что сегодняшній день нужно посвятить не частнымъ дѣламъ, а дѣлу общему: закрѣпленію завоеванныхъ революціей позицій, устройству свободнаго государства и водворенію порядка. И лишь, благоустроивъ то, что нужно всѣмъ гражданамъ одинаково, и пользуясь новыми законами и свободными порядками, мы можемъ перейти къ устройству нашихъ частныхъ дѣлъ.

Вражда между классами, между партіями, между націями, между служащими и тѣми, кому они служатъ, разгорается больше и больше и не останавливается даже въ виду приближающагося къ столицѣ внѣшняго врага. Точно дьявольское навожденіе заволокло сознаніе народа, и онъ не видитъ, что страна стоитъ по истинѣ на краю могилы, въ которой надолго можетъ быть погребено и наше благосостояніе, и наша государственная самостоятельность, и наша государственная честь и только что завоеванная свобода!

БИБЛИОТЕКА

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ и БРОШЮРЫ:

В. В. (В. П. Воронцова).

1) Производство и потребленіе въ капиталистическихъ обществахъ; 2-ое дополненное и исправленное изданіе 1918 г. Цѣна 2 руб.

2) Соціальное преобразованіе Россіи; 2-ое дополненное и исправленное изданіе 1917 г. Цѣна 1 руб.

3) Земля для всего народа. 1917 г. Цѣна 60 к.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ

при редакціи журнала «**Трудовое Единеніе**» ул. Жуковскаго, д. 38, тел. 241-25. Продажа производится также въ книжномъ складѣ **Тов-а «Общественная Польза»** Б. Подъяческая, д. 39; въ книжномъ складѣ «**Кооперація**» Литейный, 53 и въ книжномъ складѣ «**Свѣточь**» Загородный, 12.

Цѣна 70 коп.